

Шестнадцать тонн, 12 апреля в 21.00

Музыкально-стихотворному проекту Веры Полозковой исполняется год. В клубе "16 тонн" она представляет новый альбом "Знак равенства". Поэтесса рассказала "ВД" о театре, стихах, книжных магазинах, о времени и о себе.

О синтезе стихов и музыки

История про пустую сцену, когда человек с трепещущими листками в руках мямлит что-то, не глядя в зал, вызывает у меня страшную аллергию. Музыкальное сопровождение появилось для того, чтобы за выступлением было увлекательно наблюдать. Началось все с того, что в мою жизнь пришел театр "Практика" Эдуарда Боякова. Мне стало интересно работать со звучащими текстами, со сценографией, музыкой, светом, с актерами... Синтез же поэзии и музыки начался случайно. То, что спектакль "Стихи о любви", который теперь идет в "Практике", станет музыкальным проектом, я даже в голове не держала. Это была инициатива Елены Грачевой, работавшей в аудиоиздательстве. Сначала она позвонила мне с предложением о записи аудиоварианта моего сборника стихов "Фотосинтез", а потом я поняла, что мы должны сделать полноценный альбом. Лена Грачева с пианистом Сережей Геокчаевым написали песни. Друзья настояли, чтобы мы презентовали проект в "16 тоннах". Мы сыграли альбом и увидели, что там шестьсот человек осыпаются с лестницы, как листва. Стало понятно: видимо, это история, которая не умрет за один раз.

О свободе

Что замечательно — мы ни от кого не зависим. Мы — не продукты чьего-то продюсерского ремесла, не часть лейбла, мы просто физически заработали на запись альбомов, и они принадлежат нам. Все, что у меня есть дорогого в жизни, это — ощущение свободы. Ни за какие блага и деньги я не готова с ним расстаться.

О любимых местах в Москве

Люблю ходить в старый книжный магазин "Москва" на Тверской и в новый — на

Воздвиженке. Новая "Москва" — магазин очень классный, устроители учли все реалии быстро меняющегося мира. Он огромный, очень пустой, с диванчиками, чтобы сесть и почитать книжку. С одной стороны, техногенный, с другой — дико уютный, там так вкусно пахнет книжками! А "Республику" я люблю совсем по-другому — там большие открытые пространства и обилие вещей. Театр "Практика" дорог мне потому, что здесь соседствуют стекло, дерево, кирпич. Это подвал, в котором достаточно света и пространства. Поразительно, ведь даже в академических театрах с окнами в два человеческих роста не всегда есть такое ощущение легкости и свободы. Люблю "Театр.doc". Собственно, я в нем работаю (проект "Общество анонимных художников") и всегда рекомендую сходить в него людям, которые не представляют другого театра, кроме как Театр сатиры. У меня широкий диапазон в аппарате восприятия правды — я могу в три ручья рыдать на "Вассе Железновой" в МХТ, и когда смотрю "Рыдания" Кшиштофа Бизе в "Практике". "Практика" играет скулами, поворотами головы, интонациями, там все строится на нюансах. МХТ рисует жирными красками, но, как ни странно, если делать это талантливо, то это прекрасно.

О гении

Подруга, выплакавшая глаза по Джонатану Сафрану Фоеру, подарила мне две его книжки — "Страшно громко и запредельно близко" и "Полная иллюминация". Я романы прочитала и полна ревности — хочу написать такую же книжку. Он настоящий нормальный гений, здоровый и хороший. Скромный гарвардский мальчик, в очочках, симпатичный, не культивирующий патологии и эстетику упадка. Терпеть не могу, когда авторы бестселлеров позиционируют себя: "я весь такой дико сложный, поломанный невротик, параноик, алкоголик, человек со сломанной жизнью". Чем здоровее, проще и чище выглядит человек, тем больший ему респект за то, что он делает.

Об Индии, Киеве и умении себя хвалить

По себе знаю: то, из чего создается поэзия, — ограниченный и медленно возобновляемый ресурс. Это вещество, которого мало. Для меня само собой разумеется, что поэт или писатель должен набирать за свою жизнь как можно больше фактуры, путешествовать, искать аудиальных и визуальных впечатлений. У меня есть два восполняющих ресурсы места: Индия и прекрасная моя Украина — Одесса, Киев, Харьков. Там живут другие люди с другим отношением к себе и к миру. Они умеют быть довольными собой, чего москвичи практически лишены. Мы же зачем-то культивируем все трещины и разломы нашей жизни. Надо уметь себя хвалить, если что-то получается. Я пришла в ужас, когда услышала такую реплику от моих слушателей: "Ну ведь у нас нет времени, чтобы что-то чувствовать! Мы приходим к вам на вечер, чтобы услышать, как вы чувствуете за нас". Я думаю, что моя сверхзадача, как ни пафосно это звучит, — чтобы люди перестали думать, что кто-то может чувствовать за них, и стали делать это сами. Разрешили себе чувствовать и перестали себя терроризировать. Ведь это самое интересное в жизни.

